

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

НОРВЕЖСКИЙ
ЛЕС

МОСКВА
2020

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
NORUWEI NO MORI

Copyright © Haruki Murakami, 1987

Перевод с японского *Андрея Замилова*

Серия «Мураками-мания»

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография:

© igorstevanovic / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Pocket book»

Оформление *Андрея Саукова*

Мураками, Харуки.

М91 Норвежский лес / Харуки Мураками ; [пер. с
яп. А. Т. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2020. —
384 с.

ISBN 978-5-04-112371-0 (Мураками-мания)

ISBN 978-5-699-37893-7 (Pocket book)

«...По вечерам я продавал пластинки. А в промежутках рассеянно наблюдал за публикой, проходившей перед витриной. Семьи, парочки, пьяные, якудзы, оживленные девицы в мини-юбках, парни с битническими бородами, хостессы из баров и другие непонятные люди. Стоило поставить рок, как у магазина собрались хиппи и бездельники — некоторые пританцовывали, кто-то нюхал растворитель, кто-то просто сидел на асфальте. Я вообще перестал понимать, что к чему. «Что же это такое? — думал я. — Что все они хотят этим сказать?»

Роман классика современной японской литературы, принесший автору поистине всемирную известность.

УДК 821.521-31

ББК 84(5Япо)-44

© А. Замилов, перевод с японского, 2020

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112371-0

ISBN 978-5-699-37893-7

Глава 1

Мне тридцать семь, и я сижу в кресле «Боинг-747». Гигантский лайнер снижается, пронизывая толщу облаков, и заходит на посадку в аэропорт Гамбурга. Холодный ноябрьский дождь выкрасил землю темным, и техники в дождевиках, флаг на крыше приплюснутого терминала, рекламный щит «БМВ» кажутся унылой фламандской картиной. «Ну что, опять Германия?» — подумал я.

Едва самолет приземлился, погасло табло «Не курить», из динамиков тихо полилась инструментальная музыка. Оркестр исполнял «Norwegian Wood» «Битлз». И эта мелодия, как всегда, разбередила меня. Даже не так: она разбередила меня намного сильнее, чем обычно.

Чтобы голова не раскололась на части, я нагнулся, прикрыл лицо ладонями и замер. Вскоре подошла немецкая стюардесса, спросила по-английски:

— Вам плохо?

— Нет-нет, просто голова немного закружилась, — ответил я.

— Вы уверены?

— Спасибо, все хорошо...

Стюардесса приветливо улыбнулась и ушла. Следующей зазвучала мелодия Билли Джоэла.

Разглядывая плывшие над Северным морем мрачные тучи, я думал о потерях в своей жизни: упущенном времени, умерших или ушедших людях, канувших мыслях.

Пока самолет не остановился, пассажиры не отстегнули ремни и не начали доставать с багажных полок свои вещи, я мысленно перенесся на ту поляну. Вдыхал запах травы, кожей чувствовал дыхание ветерка, слышал пение птиц. Было это осенью 1969 года, накануне моего двадцатилетия.

Подошла та же стюардесса, присела рядом, опять поинтересовалась, как я себя чувствую.

— It's all right now, thank you. I only felt lonely, you know¹, — сказал я и улыбнулся.

— Well, I feel same way, same thing, once in a while. I know what you mean², — кивнула она, встала и тоже приятно улыбнулась. — I hope you'll have a nice trip. Auf Wiedersehen!³

— Auf Wiedersehen! — попрощался я.

Даже сейчас, спустя восемнадцать лет, я могу до мельчайших подробностей вспомнить ту поляну. Переливался яркой зеленью лесной покров, с которого за несколько дней подряд дождь смыл всю летнюю пыль. Октябрьский ветер покачивал колосья мисканта. На голубом небосводе словно застыли продолговатые облака. Высокое небо. Настолько высокое, что глазам больно смотреть на него. Ветер проносился над поляной и, слегка ероша волосы Наоко, терялся в ро-

¹ Все в порядке, спасибо. Просто мне стало чуточку одиноко (англ.). Здесь и далее прим. перев.

² Со мной тоже иногда такое бывает. Я вас понимаю (англ.).

³ Счастливого пути! До свидания! (англ., нем.)

ще. Шелестели кроны деревьев, вдалеке слышался лай собаки — тихий, едва различимый, словно из-за ворот в иной мир. Кроме него — ни звука. И ни единого встречного путника. Лишь две кем-то потревоженные красные птицы упорхнули к роще. По пути Наоко рассказывала мне о колодце.

Какая странная штука — наша память... Пока я был там, почти не обращал внимания на пейзаж вокруг. Ничем не примечательный — я даже представить себе не мог, что спустя восемнадцать лет буду помнить его так отчетливо. Признаться, тогда мне было не до пейзажа. Я думал о себе, о шагавшей рядом красивой девушке, о нас с ней и опять о себе. В таком возрасте все, что видишь, чувствуешь и мыслишь, в конечном итоге, подобно бумерангу, возвращается к тебе же. Вдобавок ко всему я был влюблен. И любовь эта привела меня в очень непростое место. Поэтому я не мог позволить себе отвлекаться на какой-то пейзаж.

Однако сейчас в моей памяти первым всплывает именно это: запах травы, прохладный ветер, линия холмов, лай собаки. И вспоминается прежде всего остального — отчетливее некуда. Настолько, что кажется: протяни руку — и до всего можно дотронуться. Однако в пейзаже этом не видно людей. Никого нет: ни Наоко, ни меня. Куда мы могли исчезнуть?.. И почему такое происходит? Все, что мне тогда представлялось важным: и она, и я, и мой мир — все куда-то подевалось. Да, сейчас я уже не могу сразу вспомнить лицо Наоко. У меня остался лишь бездушный пейзаж.

Конечно, спустя время я припоминаю ее черты. Маленькая холодная рука, прямые и гладкие волосы,

мягкая округлая мочка уха и под ней — точка родинки, дорогой верблюжий свитер, который она надевала с приходом зимы, привычка задавать вопросы, всматриваясь в лицо собеседника, голос, который временами почему-то кажется дрожащим... Будто она разговаривает на вершине продуваемого всеми ветрами холма. Все эти черточки наслаиваются друг на друга — и вдруг, само по себе, вспоминается ее лицо. Причем не как-нибудь, а в профиль. Может, потому, что я всегда ходил сбоку? Повернувшись ко мне, она весело улыбается, слегка наклоняет голову и начинает говорить, вглядываясь в мои глаза. Будто бы ищет скользкую по дну прозрачного источника рыбешку.

Но чтобы вот так представить в памяти лицо Наоко, требуется время. И чем дальше — тем больше времени. Грустно, однако это правда. Сначала хватало пяти секунд, потом они превратились в десять, тридцать, в минуту... Время вытягивалось, словно тень на закате. И вскоре все безвозвратно окутает мрак. Да, моя память необратимо отдаляется от места, где была Наоко. Так же, как и от места, где находился я сам. И только пейзаж — эта октябрьская поляна, словно символическая сцена фильма, повторяясь снова и снова, — всплывает в моей памяти. Картинка продолжает настойчиво пинать в одну и ту же точку моей головы. Эй, очнись, я еще здесь, вставай, вставай и ищи, ищи причину, почему я до сих пор еще здесь. Боли нет. Боли совершенно нет. И только при каждом пинке голова гулко гудит. Но и этот гул рано или поздно исчезнет, как исчезло в конце концов все остальное. Однако в аэропорту Гамбурга, в салоне самолета «Люфтганзы» пинки оказались дольше и сильнее обычного. Очнись, ищи...

Поэтому я пишу. Просто я отношусь к такому типу людей, которые ничего не могут понять, пока не попробуют записать это на бумаге.

...О чем она тогда говорила?

Вот... она рассказывала мне о полевом колодце. Существовал ли такой колодец на самом деле, я не знаю. Может, он — лишь плод ее фантазии. Часть того, что роилось в ее голове в те мрачные дни. Но она рассказала мне о том колодце, и я уже не мог вспоминать поляну без него. Я никогда его не видел, но он остался в моей памяти прочно вписанным в тот пейзаж. Смешно: я помню его до последней детали, прямо на границе поляны и рощи. Трава искусно прикрывает темную дыру в земле, метр диаметром. Ограждения нет. Просто разинула свою пасть дыра. Кое-где потрескались и начали откалываться потемневшие от ветра и дождей камни. В щель между ними ныряет проворная зеленая ящерка. Загляни внутрь — все равно ничего не увидишь. Мне известно только одно: это жутко глубокий колодец. Настолько, что даже трудно представить. И вся дыра эта наполнена мраком — густым, впитавшим в себя все виды мраков этого мира.

— Он и вправду очень-очень глубокий, — сказала Наоко, аккуратно подбирая слова.

Я иногда замечал за ней такую манеру: Наоко говорила очень медленно, подыскивая нужные слова.

— Очень глубокий, но никто не знает, где он находится. Ясно только одно — где-то поблизости.

Она сунула руки в карманы твидового жакета и взглянула на меня. Улыбнулась: мол, я серьезно.

— Ну и жуть. Где-то есть колодец, но никто не знает, где. Свалишься в него — и с концами?

— Точно. А-а-а-а — бум! И конец...

— Но на самом деле этого не происходит?

— Иногда происходит. Раз в два-три года. Вдруг пропадает человек. Сколько бы его ни искали, найти

не могут. Тогда местные жители говорят: «Он провалился в полевой колодец».

— Да, не лучший способ умереть.

— Просто ужас! — воскликнула она и стряхнула с жакета семена травы. — Свернуть себе шею и сразу умереть — еще куда ни шло. А если только ногу сломаешь, уже ничего не поделать. Хоть во все горло кричи, все равно никто не услышит. Никакой надежды, что тебя кто-нибудь найдет. И вокруг — сплошь сороконожки и пауки. Рядом побелевшие кости покойников, темно и сыро. А наверху, как зимний месяц, еле-еле мерцает краешек света. И вот в таком месте медленно и мучительно умирает человек.

— От одной мысли по коже мурашки, — сказал я. — Кто-нибудь должен найти этот колодец и сделать ограду.

— Никому не дано его найти. Поэтому нельзя сходить с верной тропы.

— А я и не схожу.

Наоко вынула из кармана левую руку и сжала мою.

— Не переживай. Тебе... Тебе тоже нечего бояться. Ты передвигаешься кромешной ночью на ощупь и ни за что не провалишься в колодец. И пока я буду рядом с тобой — я тоже.

— Ни за что?

— Ни за что!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Просто знаю, и все. — Наоко крепко сжала мою руку. И дальше шла молча. — Мне хорошо понятны такие вещи. Но не их причина. Я просто чувствую. Например, сейчас я прижалась к тебе, и мне несколько не страшно. Зло и мрак даже не пытаются заманить меня к себе.

— На словах все получается просто. Может, пусть и дальше так?

— Ты... серьезно?

— Куда серьезнее?

Наоко остановилась. Я тоже. Она положила руки мне на плечи и пристально заглянула в мои глаза. В глубине ее зрачков черная, как смоль, вязкая жидкость выводила диковинные водовороты. Какое-то время этот красивый мрак заглядывал в меня. Затем она приподнялась на носки и прижалась ко мне щекой. На мгновение у меня от радости забилося сердце.

— Спасибо, — сказала Наоко.

— Да брось ты...

— Я очень рада, что ты так сказал. Правда! — И она печально улыбнулась. — Но это невозможно.

— Почему?

— Потому что нельзя. Так очень плохо. Так... — начала было она и замолчала. Я знал, что у нее в голове все кипит от мыслей, и молча шел рядом. — Потому что это неправильно. По отношению и к тебе, и ко мне.

— В каком смысле «неправильно»? — тихо спросил я.

— Ну, не может ведь кто-то один вечно защищать другого. Послушай. Предположим, я выйду за тебя замуж. Ты будешь работать, так? Тогда кто будет защищать меня, пока ты на работе? Кто будет защищать меня, когда ты поедешь в командировку? Что же, я буду рядом с тобой до самой своей смерти? Разве не так? Это же нельзя назвать человеческими отношениями? Да и я тебе когда-нибудь надоем. «В чем смысл моей жизни? Быть талисманом этой женщины?» — скажешь ты. Я так не хочу. И мои проблемы от этого не разрешатся.

— Так не будет продолжаться всю жизнь, — ска-

зал я, обняв ее за талию. — Когда-нибудь наступит конец. Тогда и подумаем, как быть дальше. Тогда, быть может, и ты спасешь меня. Ведь не значит, что мы живем, уткнувшись в ненавистный баланс доходов и расходов? И если я тебе сейчас нужен, используй меня. Ведь так? Почему ты так строго судишь о вещах? Послушай, расслабься, а? Ты напряжена, поэтому и относишься так ко всему окружающему. Расслабишься — станет легче.

— Почему ты так говоришь? — сухо спросила Наоко.

Услышав этот голос, я понял, что сказал лишнее.

— Почему? — снова спросила она, пристально всматриваясь в землю под ногами. — Я и сама знаю, что станет легче, если расслабиться. Что проку от этих твоих слов? Послушай, если я сейчас расслаблюсь, я развалюсь на части. Я до сих пор могла жить только так. И мне больше ничего не остается — продолжать жить так и дальше. Однажды расслабишься — назад не вернешься. А развалюсь — разлетается по кусочкам. Почему ты этого не понимаешь? Почему ты, не понимая этого, можешь говорить, что будешь обо мне заботиться?

Я молчал.

— Меня это беретит намного глубже, чем ты думаешь. Мне холодно, темно... и тревожно. Слушай, почему же тогда ты спал со мной? Почему не бросил?

Мы шли по мертвенно тихому сосновому бору. На лесной тропинке сухо потрескивали под ногами сошедшие трупники сдохших в конце лета цикад. Мы с Наоко не спеша шли по этой тропе, глядя вниз, будто что-то искали на земле.

— Извини. — И Наоко нежно сжала мою руку. Несколько раз кивнула. — Я не хотела тебя обидеть.

Не принимай мои слова близко к сердцу. Нет, правда, извини. Я просто злюсь на саму себя.

— Пожалуй, ты права — я действительно еще плохо знаю тебя. Я, конечно, не дурак, но, чтобы понять некоторые вещи, требуется время. Было б у меня это время, я смог бы в тебе разобраться. И понимал бы тебя лучше всех в этом мире.

Мы остановились, вслушиваясь в тишину. Я переворачивал носком ботинка дохлую цикаду и сосновую шишку, смотрел на небо между ветками сосен. Наоко сунула руки в карманы и, не глядя по сторонам, думала о своем.

— Послушай, Ватанабэ, я тебе правлюсь?

— Конечно.

— Тогда выполнишь две мои просьбы?

— Хоть три.

Наоко засмеялась и кивнула:

— Достаточно двух. Вполне... Первая. Я хочу, чтобы ты понял, как я тебе благодарна за наши встречи. Я очень рада. И они меня спасают. Даже если тебе так не кажется — это так.

— Я опять приеду. А вторая?

— Хочу, чтобы ты помнил обо мне. Чтобы ты всегда помнил, что я жила и была рядом с тобой.

— Естественно, я буду помнить о тебе, — ответил я.

Она молча двинулась дальше. По плечам ее жакета скользили полоски света, падавшего сквозь верхушки деревьев.

Опять послышался собачий лай, но теперь он, казалось, звучал намного ближе. Наоко поднялась на пригорок и, выйдя на опушку соснового бора, сбегала по отлогому склону. Я отставал от нее на два-три шага.

— Постой, здесь может оказаться колодец! — крикнул я ей в спину. Наоко остановилась и, улыб-

нувшись, схватила меня за руку. Дальше мы шли вместе.

— Ты правда меня никогда не забудешь? — тихо, почти шепотом спросила она.

— Никогда, — ответил я. — Мне тебя незачем забывать.

И все же память продолжала неумолимо стираться. Я забыл уже очень многое. Но, извлекая то, что еще помню, я пишу. Иногда мне становится очень тревожно. Я вдруг спрашиваю себя: а не потерял ли я уже что-нибудь очень важное? Внутри у меня есть темное место, которое можно назвать задворками памяти. Вот я и думаю: не превратились ли там какие-то важные воспоминания в мягкую грязь?

В любом случае больше у меня ничего нет. Храня в своем сердце эти несовершенные воспоминания, которые частично пропали совсем и улечиваются дальше с каждой минутой, я продолжаю писать так, будто обгладываю кость. У меня нет другого способа сдерживать слово, данное той девушке.

Когда в молодости воспоминания о Наоко были еще свежи, писать я пробовал несколько раз. Но у меня не выходила даже первая строка. Я понимал: получись она тогда, и остальной текст, слово за словом, вылился бы на едином дыхании. Однако дальше первой строки дело не сдвинулось. Все еще было так отчетливо, что я не знал, с чего начать. Так, очень подробная карта не годится из-за того, что чересчур подробна. Но сейчас я знаю. В конечном итоге, думаю я, в несовершенном вместилище, каким является «текст», ко двору придутся только несовершенные воспоминания и несовершенные мысли. Память о Наоко стиралась все больше, а ее саму я понимал глубже и глубже.

же. Сейчас мне ясно, почему она попросила: «Не забывай меня!» Естественно, знала об этой причине и она сама. Знала, что память постепенно сотрется во мне. Поэтому Наоко ничего не оставалось — только потребовать у меня: «Никогда не забывай! Помни обо мне!»

И мне становится невыносимо грустно. Почему? Потому что она меня даже не любила.

Глава 2

Давным-давно, а если точнее — лет двадцать назад, я жил в студенческом общежитии. Было мне тогда восемнадцать, и я только поступил в институт. Токио я не знал вообще и никогда не жил один, поэтому заботливые родители подыскали мне общежитие. Там нас кормили, имелось все необходимое. Это и повлияло на выбор жилья для неоперившегося восемнадцатилетнего юнца. Естественно, стоимость играла не последнюю роль: она оказалась на порядок ниже обычных расходов одиноких людей. Принеси свою постель и настольную лампу — и больше ничего покупать не нужно. Будь моя воля, снял бы квартиру и жил в свое удовольствие. Но если вспомнить, во сколько обошлось поступление в институт, прибавить сюда ежемесячную плату за обучение и повседневные расходы, выбора уже не оставалось. К тому же, по большому счету, мне самому было все равно, где жить.

Общага располагалась в Токио на холме с видом на центр города. Широкая территория окружена высоким бетонным забором. Сразу за ним по обеим сторонам возвышались ряды исполинских дзелькв — деревьям стукнуло по меньшей мере века полтора. Из-